

«Казанский альманах» публикует отрывок из готовящейся к печати книги искусствоведа и художника Анны Акчуриной «Николай Фешин»

188

ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

ФЕШИН

Анна Акгурина

Фешин, родившийся в Казани, настоящий мужик в искусстве, обладающий всей мужественной силой, верностью глаза и поразительной силой чувства...

Из статьи в газете "Evening Post". 1910

189

26

26 НОЯБРЯ прошлого года исполнилось 135 лет со дня рождения нашего великого земляка Николая Ивановича Фешина (1881–1955), рождённого и получившего профессиональное образование в Казани, и ошеломившего своим мастерством два континента. Фешин сделался национальным достоянием Америки, оставаясь непревзойдённым мастером для своей Родины – несмотря на полный запрет упоминать его имя после эмиграции из страны в 1923 году. Эмиграция рассекла его жизнь надвое.

Фешин очень любил Казань. Лучшие его картины написаны на родине. И он действительно осуществлял здесь великую миссию, хотя, будучи человеком простым, чуждым пафоса, никогда не мыслил себя ни подвижником, ни глашатаем великих идей. Мечтой Фешина была полнокровная художественная жизнь третьей столицы Российской Империи. Он хотел, чтобы наш регион был включён в большой мировой процесс развития искусства. Он планомерно продвигал идею учреждения в Казани Академии художеств, был одним из ярчайших педагогов Казанской художественной школы, воспитал целую плеяду видных художников, кото-

рые поднимали искусство не только в Поволжье, передавал своим ученикам опыт экспрессионистического реализма и любовь к многонациональным традициям нашей Родины.

Академическое образование обусловило в нём зоркость и добросовестную точность в деталях, глубокую разработку народных образов в его композициях и портретах, от чего нередко Фешина относят к художникам-этнографам. Однако, при всей серьёзности его подхода к натуре, Николай Иванович не был ни узким этнографом в живописи, ни сухим документалистом – но творцом полнокровных, многопластовых, отразивших жизнь разных сословий и разных народов России, Америки, Японии, Бали, Явы так же полно, как её отражала большая литература. В самом деле, его живые этюды, его обширная галерея человеческих типов столь ярка, что невольно приводит на память героев Лескова, Чехова, Толстого, Джека Лондона, Киплинга, Уитмена, Фицджеральда...

Большая часть тех, кого он изображал, это наши соотечественники – студенты, педагоги, архитекторы, разночинцы, интеллигенция Казани, жители окрестных татарских, марийских, чуваш-

ских сёл. Их милые, умные, молодые и зрелые лица, стихийные силы, душевный потенциал светятся сквозь красочный слой и пленяют ценителей творчества Фешина во всём мире. Его лучшие модели – наши с вами предки, создавшие облик Земли Казанской век назад. И это бесконечно трогает и наполняет сердце благодарностью и ощущением непрекращающейся преемственности.

У нас нет точных сведений о корнях Николая Фешина. По фотографиям можно предположить, что в его роду были и славянские, и фино-угорские, чухонские, чувашские, мордовские крови. Отец художника, Иван Александрович Фешин родился в Арзамасе. Потомственный резчик, в его роду были московские пушкарки, сосланные под Арзамас ещё в XVI веке. Мать, Прасковья Викторовна Чистова, – дочь строительного подрядчика, происходила из Костромы. Эти регионы издавна представляли собой котёл, смешение национальностей, как и казанский край, куда переселились родители Фешина. Сотни лет мирно соседствовавшие племена и народы образовали единый причудливый сплав, истинным сыном которого явился Николай Иванович Фешин. Он любил этот густой, могучий, многонациональный замес, близость к почве, к стихийным корням, любил настоящих людей, способных жить, сопротивляться, делать дело... Он и сам был одним из них.

* * *

*В чужой стране он существует
только физически...*

Н. Фешин

...С ЧЬЕЙ-ТО лёгкой руки в печати приклеилось к Николаю Ивановичу прозвище «русский американец». Более поверхностного истолкования его личности трудно вообразить. Особенность американского характера и психологии заключается в стремлении любую деятельность подчинить добыче прибы-

ли. Бескорыстный самоотверженный энтузиазм, свободный эксперимент для типичного американца – нонсенс и юродство. Но именно это истинно русское качество преданности призванию, страстному поиску сути дела независимо от конъюнктуры присуще деятельности Фешина-художника. Как демиург он нуждался в источнике вдохновения. Таким источником для него, где бы он ни жил, был человек как таковой и в особенности – «первозданный» человек, сохранивший свою этническую характерность и яркую индивидуальность. Надо ли говорить, что ни в России, ни тем более в Америке эта фешинская тема не была оценена по достоинству и не могла быть источником материального благополучия.

Другая особенность Фешина – приверженность к родному языку и отторжение чужого. Западный человек рационален: для него немислимо, переехав в чужую страну, игнорировать её язык, зная, что это не позволит ему получить гражданство и станет причиной поражения в гражданских и имущественных правах. Даже в молодости, собираясь в пенсионерскую поездку по европе или договариваясь о выставках своих работ с представителями европейских и американских галерей, Фешин предпочитал передать работу переводчика и организатора (менеджера, иными словами) в другие руки, уходя от решения этой важной проблемы. Для этого талантливый человек и самобытный мыслитель языки представляли существенную трудность. Возможно, причиной тому было заболевание менингитом в детском возрасте. По словам внучки Н. Н. Бельковича (тестя Фешина) В. М. Корнеевой, Николай Иванович худо-бедно овладел английским лишь спустя 5–7 лет жизни в Америке. Однако американцами уровень английского у художника квалифицировался как рудиментарный, недоразвитый. При встрече с Диего Риверой в 1936 году его английский был настолько не понятен, что это стало предметом шуток для пишущих о Фешине. Но парадокс: когда дело каса-

лось портретирования, лингвистический барьер не мешал ему налаживать контакты с представителями самых разных народностей, даже очень закрытых, какими были, например, индейцы тева.

Николай Фешин, где бы ни находился, оставался сыном своей Родины, с достоинствами и недостатками русского характера. Личность ярко выраженная и цельная, Николай ещё в годы обучения ушёл с пути подражания, не перенял он чужого уклада и манер и зрелым мастером. Он сознательно остался в стороне от востребованных в Америке художественных течений, не отвечающих его внутренним целям. Таосские знакомые Фешиных отмечают, что он был замкнут и самодостаточен. Отшельничество в миру, отшельничество художника в своей мастерской, уклонение от посторонних влияний и пустопорожней толкотни – вот путь Фешина. В этом он схож с другим своим великим соотечественником, некоторое время жившим в Америке – Николаем Рёрихом.

Гедонистический Запад, Запад успешных и процветающих не задел сердца Фешина, хотя и не прошёл мимо его зоркого ока документалиста человеческих типов. Так время учёбы в Петербурге не подвигло его на воспевание облика и духа «Северной Пальмиры», пенсионерская поездка за границу не сделала его парижанином, а восхищение доколумбовыми руинами Теотиуакана не оставило следа в его пейзажном наследии. Не стал Фешин и глашатаем американского образа жизни, как не повёлся на соблазн перейти в модный модернизм, суливший золотые горы и мировую известность. Самозабвенно изучая аборигенов американского континента – людей «третьего сорта», лишённых избирательных прав, оттеснённых на обочину социальной жизни, он отказался от выгодного и престижного заказа написать галерею портретов военных высшего эшелона США. При всей востребованности его кисти, бизнесмена, коммерсанта из Фешина определённо не вышло. Не случайно, что заказные, коммерческие портреты

позднего Фешина зачастую лишены непосредственного чувства и сделаны на голой технике.

Какая мода не царила бы на арт-рынке, дикая пустыня Нью-Мексико с её фантастическим пейзажем отображались им в той же выверенной манере реалистического экспрессионизма, что и пейзажи Васильево, алтайская и волжская глушь. Поразительно, как умудрялся Фешин фиксировать берёзки и среднерусские хаты на этих космических склонах, на земле цвета сангины и пурпура... Именно здесь, в Таосе, написаны его самые аутентичные «русские» пейзажи. А его дочь, Ия Фешина, радостно отмечала, что индейцы и мексиканцы на картинах отца напоминают татар¹. Истинный «Гражданин мира», Николай Фешин был певцом земных племён. Кипчаки, тунгусы, обширный пласт тюркских типов Сибири, нижегородские крестьяне и аборигены Бали вдохновляли его так же, как других – мифические жители Трои и Крита и канувшей Атлантиды.

Художник был жадно, юношески поглощён «иной», «неправильной» красотой негров, мексиканцев и жителей индейских резерваций. Точно так же, как ещё студентом был заворожён грубой лепкой лиц черемисов. В их типажах воскресают обветренные временем каменные лики степных истуканов – балбалов, черты древней примитивной скульптуры Африки и Майя, и витальность портретов обитателей Фаума. Как подлинный гуманист, отметая расовые,

¹ Следует сказать: несомненное сходство между коренным населением обеих Америк и тюрко-алтайских выходцев из Сибири не случайно. Обнаруженное антропологами и генетиками генетическое родство между ними объясняется малоизученной великой миграцией племён из Сибири в Америку по перешейку, соединявшему Аляску и Чукотку примерно в промежутке между 70 тыс. лет до н. э. и 12 тыс. лет до н. э. Он проходил на месте нынешнего Берингова пролива и именуется «Берингийский мост». Прозрения художника в области родства этносов, конечно, интуитивны, но их ценность от этого не становится меньше.

кастовые, и сословные рамки, Фешин исследовал то, что игнорировал интеллигентный обыватель и буржуа Нового Света. Точно так же в Испании XVII века шокировали аристократов Веласкес и Хусепе Рибера, введя в галерею монарших персон и аристократов портреты карликов и нищих калек, поставив их вровень с сильными мира сего. Вспомним фешинский скульптурный портрет юродивого мальчика Салаватуллы (1920) и не менее яркие интерпретации этого образа в графике и живописи – вот продолжение темы великих испанцев! Портрет деревенского юродивого, вещего ребёнка, словно отмеченного печатью смерти – один из выдающихся образов нашего соотечественника. Здесь Фешин – Франс Хальс Поволжья. Казанский край не знал кисти более мощной, психолога более зоркого, чем сын простого резчика иконостасов. Точность и острота его характеристик, тонкость колорита, знаменовавшие казанский период, были утрачены в светском салонном портрете американского периода, уступив место буйству красок, мозаичной плотности и декоративизму в пластическом осмыслении национального колорита новых человеческих типов.

Фешина привлекали как яркие личности, так и типичные представители какого-либо явления. Тут была его стихия. Сосредоточенный на передаче загадки своей модели, поглощённый собственно работой, он не нуждался в громких декларациях и заумных истолкованиях каждого своего жеста, чем разительно отличался от толпы американских и европейских авангардистов и постмодернистов, превративших изобразительную деятельность в непрекращающийся перформанс, доходящий до фарса. Фешину были чужды артистические тусовки, декларации и теоретизирования. Он был мастеровым и влиял на художественную ситуацию не трескучими декларациями, но обаянием своего искусства, независимо от того, какие течения и тенденции формировали арт-рынок Америки 1920–1950-х годов.

Влияние Фешина на американское

искусство произошло исподволь и без его усилия. Его поиски пересекались с поисками Юго-западной школы американской живописи, тем не менее, наследие Фешина не может быть исчерпано этим направлением. Он и здесь самодостаточен и стоит вне каких бы то ни было течений, художественных программ и манифестов. Фешин абсолютно первичен и – одинок в своём жизненном пути. Таосский круг художников был обогащён его творчеством, как водами не подлежащего границам потока.

В Таосе палитра Фешина приобрела напряжённую цветность. По его полотнам видно, какое вдохновение он испытывал в новых условиях. В Америке его искусство действительно было востребовано, как экзотическое блюдо, хотя самые изысканные, самые тонкие и новаторские его полотна принадлежали российскому периоду, не нашедшему настоящей оценки на родине. В 1910-е годы экспрессия не приукрашенной правды образа, стоявшая в основе приёма Фешина, часто вызывала у поверхностных критиков нелепые обвинения в нелюбви к народу, к простому мужику. По существу, ни мюнхенские, ни петербургские обыватели от критики не имели понятия ни о предмете рассуждения, ни и о реализме как таковом, ни о языке реализма в искусстве. И те и другие, в сущности, желали знакомого алгоритма, приукрашенной сентиментальной действительности в духе Бастьен-Лепажа или обличительного очерка в красках в традициях Маковского и Репина. И если блестящий лаконизм Серова критики приняли как выражение стиля эпохи, то нетипичность трактовки и «варварский» натиск фешинской кисти буржуазные умы переварить не смогли. Этот первобытный дух пугал, оставляя один на один с иррациональным дыханием «нецивилизованной» племенной жизни. (Здесь уместно бы поднять вопрос о терминах, о том, что такое реализм, к восприятию которого оказались не готовы современники Фешина, воспитанные на конфетных образах модерна и классицизма.) Не символично ли, что

столь восприимчивая ко всему чужому русская душа оказалась глуховата и равнодушна к сокровищу, выросшему на собственной почве. И в самом деле, нет пророка в своём отечестве.

Отечество... «Казань, наш дорогой город, никогда не должна забыть нас!..» – сказал однажды он Давиду Бурлюку. Увы, эмиграция Фешина и запрет властей упоминать его имя изъяли его из «книги живых» на родине.

Отчего Фешин, на голову превосходя своих сотоварищей, не получил в России подлинной известности, равной его вкладу в отечественное искусство? Первой причиной стало то, что художник на пике своей карьеры сознательно избрал местом своей жизни провинцию, Поволжье, отклонив предложение остаться в Петербурге. Вторая причина – слишком нестандартный талант: стоя особняком, он не обрёл своего глашатая, который объявил бы его откровением русской живописи. Ни Стасов, ни Бенуа, ни Философов, ни Дягилев, ни другая какая знаменитость не удостоила его вопля: «Вот надежда отечества!» Третья причина – революция, разрушившая культурную целостность страны и её живые культурные связи с остальным миром; и последовавший за революцией красный террор, истребивший образованное сословие, хранившее преемственность культурных ценностей, прошлых и настоящих. Четвёртая – Фешин был художник своей темы, независимой от модных течений и «потребы дня».

Расцвет таланта Фешина пришёлся на эпоху авангарда во всех его разнообразных вариациях. Радикализм этого детища эпохи – радикализм, граничащий с самоуничтожением – не мог вызывать сочувствия у столь рационального и основательного человека, каким был Фешин. Если бы он покривил душой, поддавался моде, похерил любимую натуру в угоду фантазиям, его талант был бы вознесён до небес и на родине, и за её пределами. Однако он выбрал трудный путь – фигуративного искусства, искусства натуралистического, кропотливого, лишённого спасительных ширм

условности. Искусства, казавшегося туристам и иже с ними – устаревшим, не годным для корабля современности. Ровно так же в Америке он осознанно дистанцировался от доходного всеторжествующего китча «нового искусства». Американский постмодернизм и поп-арт были чужды ему органически, как и любая фальшь и псевдозначимая шумиха. По сути дела, он и в Америке остался отшельником, адептом строгого профессионализма.

Фешин и сегодня не достаточно известен широкой публике обоих континентов, особенно на периферии нашего Отечества. Нынешние обозреватели интересуются, кто он такой, как если бы речь шла о заурядном ремесленнике третьего ряда. А ведь это художник, затмивший Клода Моне, Писсарро и Ренуара на выставке в Питсбурге в 1908 году. Вот цитата прессы тех лет: «...И всё-таки один только русский художник Николай Фешин своим портретом мадемуазель Сапожниковой пожал лавры полного триумфа среди всех других портретов этого салона, и редко американская публика имела случай видеть картину, представляющую столько индивидуальности и характера...» (Нью-Йоркский критик, подписавшийся инициалами С. В.) По тем же причинам, что и в России, недооценено значение Фешина и в Америке, где у художника была самая восторженная пресса. «Медные трубы» сиюминутной славы не заменят глубокого понимания идеи и живого процесса развития её в среде единомышленников. А вот как раз этой преемственности в Америке по настоящему и не случилось.

Творчество Николая Фешина так и не уместилось в какое-либо приемлемое направление. Исследователи всё ещё спорят о его стилистических признаках и о том, куда его отнести. Подлинный экспрессионист, выросший из реализма, он стоит особняком среди современников. Ему суждено было вдохнуть иррациональную непредсказуемость, динамику сжатой пружины в выхолощенный и затёртый жанр портрета; превратить

портрет в нечто большее, выведя его за пределы утилитарного жанра. А также оставить миру несколько больших полотен – символических образов России, которые не могут быть отнесены к какому-либо ординарному жанру.

Экспериментальный характер его поиска всё же находится в пределах традиции, его программа, его концепция не разрушает искусства, как это делает супрематизм или дадаизм. Вот почему для тотальных революционеров от искусства Фешин слишком законопослушен, слишком традиционен, его место – в ряду мэтров старой школы, и, значит, по меркам футуристов и супрематистов, его творчество устарело едва появившись. А для последователей салона – так же, как для передвижников, он – непонятный, иррациональный эмпирик, торящий свою неведомую дорогу и репродуцирующий идеи хаоса в мир, колеблющийся на пороге разрушения. По большому счёту, Фешин не устраивал ни тех, ни этих. Только общая великая катастрофа сняла остроту противоречий между Фешиним и, например, адептом русского кубофутуризма Бурлюком – разве не характерно, что их пути пересекались и в Казани, и в Петербурге, но сблизились они только в Америке, о которой Фешин скажет: «Совершенно другая страна, другой народ и другие интересы. А главным образом напряжённая борьба за своё существование за 10 лет, кажется, вытравили всякую связь с родиной». (Из письма брату, Павлу Фешину. 1936 г. Лос-Анджелес, Калифорния.) Эта констатация, эта горечь много говорит о том, стал ли настоящим американцем Фешин.

Его здоровая, нравственная, выносливая натура преодолела все кризисы, все катастрофы, отпущенные ему судьбой. Главным стержнем его личности был труд, его искусство, которому он служил – радостно, убеждённо и неутолимо. Его жажда созидания была многообразна, избыточна: так, продумываемая композиция «Бойни», Николай Иванович не просто писал фигуры персонажей, но ваял их в дереве. В главном

персонаже «Бойни» прослеживается портретное сходство с отцом Фешина, которого художник всю жизнь чтит как личность, как мастера, и периодически возвращался к его образу. Впервые мы видим его в столь мрачном контексте: русский мужик, мастеровой, творец красоты, мерило основательности и устойчивости, здесь – спокойный делатель самого жестокого, кровавого дела.

Полотно замечательно своей ёмкой фактологией, чуждой тенденциозности и обличительного пафоса. Никаких велеречивых сентенций и дидактики, что лишь усиливает градус драмы. И заставляет понимать: какие-то глубины личности Фешина останутся для нас за семью печатями. Они до сих пор продолжают волновать тех, кто встречается с его искусством.

Каким же человеком был Фешин? Г. Исаев в статье «Творческая личность в физиогномической проекции» (опыт исследования на примере художника Н. Фешина), отмечая «исключительную экспрессию живописных и графических произведений» художника, идентифицирует его как человека холерического темперамента. Исаев констатирует: в лице Фешина мы видим «сильный тип характера, который с трудом меняет свою точку зрения, энергичен, упорно добивается поставленных целей, но и склонен к неустойчивости и самоанализу, с трудом находит новых друзей».

Всё же, на мой взгляд, судя по воспоминаниям современников, Фешин, несмотря на импульсивный характер, не был конфликтным человеком. Ему чужды мстительность и склочность. Он долго пытался примириться с женой, не преследовал её, не отравлял ей жизнь после расставания, поддерживал средствами. Так же достойно проявлял он себя в конфликтных ситуациях в период кризиса в Казанской художественной школе. Именно Фешин предложил ввести в педагогический состав КХШ Чеботарёва и Платунову, несмотря на то, что их видение искусства и школы в целом было принципиально иным, не-

жели у «старой гвардии». Чеботарёв признавал концептуальный прорыв «в области понимания живописи и рисунка», совершённый его педагогом, хоть и находился в оппозиции к Фешину: «На наши наскоки... Николай Иванович ухмылялся и махал рукой. Знал цену своего искусства этот большой мастер. Но не отвергал и всего, что мы начинали делать. Он уважал право быть индивидуальностью в искусстве».

Всё это говорит о великодушии, справедливости и большой внутренней силе этого недюжинного человека, внешне хрупкого и нервного. Ученик Фешина Иван Тютиков, испытывавший серьёзную нужду и освобождённый от платы за обучение в КХШ, вспоминал его как человека большой доброты и неравнодушия. Ещё студентом Академии художеств, ведя жизнь скудную, подрабатывая в журналах, Николай раздал своим товарищам почти всю денежную премию, полученную за полотно «Марийская свадьба». Это 1000 рублей царской России. (Для сравнения: годовой заработок квалифицированного рабочего в 1908 году составляет 244,7 руб.) Ещё один штрих: в первые годы жизни в Америке Николай Иванович помогал семейству Бурлюков. Вот из таких черт и складывается настоящий портрет этого человека, оторванного волей катаклизмов от своей земли и страдающего. Вот письмо Николая Ивановича брату, ставшее хрестоматийным:

*29 сентября, 1949,
Санта-Моника, Калифорния
Дорогой Паня.*

Время проходит так быстро, что не успеваешь оглянуться. Да и время теперь несуразное. Кажется, все люди остервенели после войны и никак не могут успокоиться и, по-видимому, не будет этому конца.

С тех пор как Ия вышла замуж, я живу совершенно один. Такая жизнь освобождает от многих забот, но в то же время отнимает у человека полностью жизни и интерес к ней.

За последнее время я часто думаю о прожитом и прихожу к заключению, что люди искусства не должны покидать своей страны, что бы ни случилось с ней.

Весь духовный фундамент человека закладывается с самого детства и растёт вместе с окружающим до самого конца. В чужой стране он только существует физически, находясь в постоянном одиночестве, не понимая смысла жизни. Одно утешение, что судьба поделила мою жизнь между двумя великими народами и этим не дала мне возможности закончить то, что начал.

Как жаль, что вы все так далеко от меня особенно теперь, когда я чувствую себя так одиноко [...]

Твой брат Николай.

* * *

В № 45 журнала «Искусство» за 1997 год приводится письмо к Фешину его знакомой, американки (имя не указано): «Вы всем существом и полностью – русская душа. Вы никогда не были вскормлены нашей росой и нашей страной. Возможно, индейцы давали вам кое-что, но недостаточно, и я чувствую, что вы испытывали духовный голод на протяжении долгого времени и задыхались как рыба, вытасненная из воды. Только ваш натуральный элемент может питать вас. Возвращайтесь в Россию, которая будет питать вас и вернёт вашу душу к свету, который вам необходим».

Российская катастрофа XX века, породившая террор диктатуры пролетариата и сталинские репрессии, сделала невозможным это возвращение. Не нужно обманывать себя: Фешину не было места на Родине, как не было места Марине Цветаевой и бесчисленному множеству других – и кто сгинул в её бараках, решившись вернуться, и кто погиб на чужбине, никогда не покидая Родины.

* * *

На первой странице обложки дан «Портрет мадемуазель Подбельской» Н. Фешина. Вкратце поясним историю этой работы.

У некоторых картин Фешина поистине странная судьба. В конце 2012 года, в день рождения Николая Ивановича, на аукционе Christie's в Лондоне за \$3,3 млн (2,05 млн фунтов стерлингов) был продан один из самых пленительных шедевров Фешина «Портрет мадемуазель Подбельской» (1912), ранее принадлежавший частной европейской коллекции и считавшийся утраченным. Эта картина – бесспорная вершина казанского периода Фешина. И вершина одна из самых «скрытых». Данный портрет Натальи Подбельской, студентки КХШ, ученицы и модели Фешина, был известен лишь узкому кругу специалистов

по публикациям 1914 года и упоминаниям в архиве художника. В последний раз картина выставлялась в 1913 году. И ровно через век после того, как была написана, картина вновь ушла в неизвестные руки, ослепив редких счастливых, которые успели увидеть её на выставке в KGallery в Санкт-Петербурге¹, и пропав, подобно комете, являющейся лишь раз в столетие. (Выставка в KGallery длилась только пять дней.)

P. S.

Доподлинно известны ещё три портрета Натальи Подбельской кисти Фешина: два пленэрных этюда «Портрет молодой женщины» (1910) – Русский музей, «Женская головка» (1910) и портрет «Дама в розовом» (1912), ныне хранящийся в художественном музее Фрай (Сиэтл, США).

196

¹ 19 апреля 2013 года в галерее искусств KGallery в Санкт-Петербурге, спустя век, состоялось возвращение на родину уникальной работы художника Николая Фешина «Портрет мадемуазель Подбельской». Выставка картины проходила пять дней и стала ярким культурным событием для Санкт-Петербурга.